

Приступая к этой медитации, мы надеемся сопоставить мастеру, долгое время медитировавшему над своим предметом, Альбрехту Дюреру, на извилистом пути, приведшем его к абсолютному шедевру, гравюре «Иероним в келье»*. Дюрер, четырнадцать раз менявший трактовку фигуры этого учителя Церкви, внезапно, после многих попыток конвенциональных толкований, испытал прозрение о сущности изображаемой личности и через несколько лет достиг адекватной формы. Всё анекдотическое, стаффажное, эффектное было оставлено позади, неизбежные привнесения нашли своё место в рамках целого; в глубоком безмолвии пронизанной солнцем кельи совершается нечто колоссальное, что, в сущности, присутствовало всегда: и у реального отца Церкви, и в его воскрешённой гуманистами личности, как они её поняли, и, наконец, в мировоззрении самого Дюрера.

Чтобы проникнуть в эту сердцевину, необходимо будет пробиться сквозь скорлупу — уяснить себе сам феномен Иеронима, разобрать легенду, которая его овеивает, понять смысл по сути культового значения, придаваемого его личности гуманистами

---

* См. с. 56. Все постраничные примечания принадлежат редакции наст. издания; концевые примечания — авторские.

XIV — начала XVI века, и в завершение проследить путь, пройденный самим Дюрером, который, исходя из этих сложившихся предпосылок, посредством всё более углубляющейся медитации пробирался к сердцевине, явленной одновременно и как глубоко личное его творение, и как очищенно-просветлённое представление того лучшего, что было в Иерониме, и в итоге стало основой для его воскрешения.

С. 12. Петрус Крестус (мастерская Яна ван Эйка).
Святой Иероним в келье. 1432. Доска дуба, масло. 19×12 см